

Если раньше Шино был ошарашен, то теперь он был просто ошеломлен. Он поднял руку, чтобы поправить очки, и прочистил горло.

"Впечатляет, Учиха Сасукэ. Не думал, что можно превратиться в птицу. Подумать только, ты собираешься овладеть полетом".

"Ты заставляешь меня краснеть", - ответил я, распушив перья. "Но да, мне определенно нужна твоя помощь, чтобы научиться этому. Я думала о том, чтобы стать орлом или ястребом, но способность говорить слишком ценна, чтобы от нее отказываться. К тому же это был самый маленький размер, до которого я мог дотянуться. Так что я ворон".

Я понятия не имел, смогу ли я летать, ведь по логике вещей моя масса должна оставаться неизменной, несмотря на окутывающую меня чакровую конструкцию ворона, но предварительное скольжение, которое я попробовал, было весьма многообещающим.

"Да, очень логичное решение. Почему? Потому что вороны гораздо более распространены и редко используются в качестве птиц-посланников, так что ты сможешь шпионить и летать более безопасно. А моя кикайчу сможет выдержать твой вес в этой форме, пока ты не изменишь форму, обеспечивая твою безопасность при отработке техники полета. И это послужит отличной тренировкой и для меня. Почему? Потому что..."

Я издал каркающий смешок, чтобы прервать его. У Шино была склонность болтать обо всем на свете, когда он был взволнован. Хотя я не собиралась поправлять его насчет веса, пусть пока сам разбирается.

"Я все еще буду у тебя в долгу, так что если понадобится помощь, только скажи".

"Хорошо, Учиха Сасукэ. Начнем?"

Если бы я не знал ничего лучше, то мог бы подумать, что он взволнован. Я издал еще один довольный лай. Хорошо было начать занятие с юмора, ведь я знал, что буду часто спотыкаться и терпеть неудачи. То, что я превратился во что-то, еще не означало, что я буду знать, как обращаться с формой, в конце концов.

В Академии большинство наших однокурсников все еще боролись с превращением во взрослого человека и с тем, что у них длинные ноги, и подобное было определенно ненормальным.

"Для начала я попытаюсь оторваться от земли. Как только мне это удастся, я перейду к озеру. Так что даже если ты меня не поймал, со мной все будет в порядке".

Шино кивнул, и с этими словами я начал махать руками.

Это были довольно жалкие три часа, закончившиеся тем, что я сдался после того, как вся

верхняя часть туловища начала сводить судорога, но к концу их я, по крайней мере, научился взлетать и сохранять некоторую устойчивость в воздухе.

Значит, мое дзюцу "Полуночное безымянное" действительно сработало, и теперь я мог летать.

И это было чертовски круто.

"Ты падаешь, злобный ублюдок!"

"Как скажешь, последний".

Наруто совсем распалился, наполнив меня злобным весельем, но тут сбоку раздался визг Харуно, и ощущения стихли. Я вздохнул, покачал головой и поставил обязательную полутигриную печать сотрудничества, любви и мира и обнимания деревьев, что Наруто сделал с не меньшим раздражением, после чего Ирука крикнул, чтобы мы начинали.

Оранжевая угроза метнулась вперед, кулак оттянулся назад, и он со всей силы замахнулся на меня.

Мои руки - кистевые клинки, напомнил я себе, подаваясь вперед с поднятыми и согнутыми в локтях руками, одной блокируя его дикий удар изнутри, а другой в тот же миг врезаясь в его грудь, чуть ниже его плавающих ребер со всей силой моего падающего веса.

Открытые ворота - удар локтем!

Из блондина выбило весь воздух, и даже я на секунду увидел звезды в его глазах. Никакого зрительного контакта! Я укорял себя, разрываясь, чтобы взглянуть на его торс, но при этом не теряя контакта, мои руки обхватили Наруто и прижали его локтем к земле, оставив правую руку свободной, чтобы достать кунай.

Он пришел в себя, поедая грязь, и жалкую секунду боролся, пока я не затянул локтевой замок и не надавил коленом на его ягодицу, чтобы он не дергался.

Ирука вздохнул и поднял руку. "Победитель: Сасукэ".

Толпа снова зааплодировала, и вся моя радость от победы испарилась, как утренняя роса перед солнцем. Встав, я протянул руку Наруто, но разгоряченный блондин отбросил мою ладонь под смехи. Ируке пришлось заставить его сделать полутигриное рукопожатие любви и мира, прежде чем он позволил мне сойти с помоста для спарринга.

Насколько я помнил, Учиха Сасукэ до скачка во времени ориентировался на броский и акробатический, ориентированный на удары стиль тайдзюцу. Но я не слишком любил

подобные вещи, предпочитая всегда стоять хотя бы одной ногой на земле, чтобы не терять мобильности. Когда ты находился в воздухе, то не двигался, пока не приземлялся, а мне это совсем не нравилось.

Поэтому я научился драться по-другому, что не осталось незамеченным учителями, даже если они предпочитали не комментировать это. До тех пор пока я продолжал побеждать и доказывал достаточный уровень компетентности, им, вероятно, было все равно.

Я смешивал дзюдо, калы, бокс и каратэ с тем, чему меня учили в Академии, в несколько беспорядочной мешанине, а также с другими элементами тайдзюцу, которые я невольно украл за эти годы с помощью своего шарингана.

Это был не самый чистый или крутой стиль, но он справлялся с работой даже без моего Шарингана.

Что касается человеческих чувств, то они были неравноценны. Конечно, зрение в целом было превосходным, но оно также было очень, очень медленным. На звук можно отреагировать в два раза быстрее, чем на визуальный стимул, а чувство осязания находится где-то посередине. Так что даже с закрытыми глазами, стоило мне взять кого-то за руку, как он тут же превращался в тост.

Собственно, именно поэтому я и тренировался.

Во время спаррингов по тайдзюцу я предпочитал переходить в зону, которую Брюс Ли называл ловушкой - когда мы были слишком близко для сильных ударов, но не совсем обнимали друг друга, когда шаринган был не так уж хорош, потому что не мог видеть половину всех конечностей в поединке - и часто заканчивал свои бои блокировкой суставов, ударами локтями или захватами. Если бы кто-нибудь попытался сразиться со мной таким образом, чтобы свести на нет мой Шаринган, его ждал бы неприятный сюрприз.

Дело в том, что, несмотря на всю крутизну и мачизм ударов, они были совершенно ужасны, когда дело касалось убийства людей. Удары ногами были намного лучше, потому что они были длиннее и сильнее, но они, как правило, снижали мобильность и выводили из равновесия, потому что, как вы понимаете, одна нога оторвана от земли и находится в воздухе.

Поэтому я предпочитал заниматься грэпплингом стоя. Большинство людей могли уклониться от удара, если он не приводил их в полное замешательство. Мало кто может избавиться от удара кулаком по затылку. А таких людей я, скорее всего, узнаю сразу и буду держаться от них подальше. И, что, пожалуй, было самым важным для меня в будущем, техники ловушек прикрывали промежуток, где заканчивалось оружие и дзюцу, и в то же время вливались в него, если я решал сам сократить расстояние. Работа ног при рубящем ударе мечом отличалась от удара кулаком, но поворот бедра легко превращался в технику, которая с шагом опиралась на локоть или толкала его.

Я практиковал его, потому что это был необычный, но, по-видимому, очень эффективный даже

среди ниндзя стиль, как это было и раньше. Я практиковал его, потому что никто здесь не практиковал. Все остальное - различные другие диапазоны, в которых могли происходить поединки по тайдзюцу, - я просто заполнял украденными из Шарингана техниками, чтобы при необходимости грамотно сражаться.

Джек на все руки плюс мастер на все руки.

Единственное, на чем я не стал заострять внимание, так это на продвинутом наземном захвате, поскольку запутаться с кем-то - отличный способ получить ниндзюцу или кунаи от его союзников. В любом случае, бой с тайдзюцу строго без оружия имел смысл только для ниндзя, потому что они обычно хотели держать руки свободными для проведения кистевых ударов. Но я не был приспособлен к такому стилю, поэтому в будущем я не собирался уделять ему особого внимания.

"Завтра я закончу школу, знаете ли! А потом я стану Хокаге, и вы все пожалеете!"

<http://tl.rulate.ru/book/104194/3653829>